

Светлана Алешина

Госпожа на побегушках

*Часть сборника
Барышня-воровка (сборник)*

Театр одной актрисы

Светлана Алешина

Госпожа на побегушках

«Научная книга»

2005

Алешина С.

Госпожа на побегушках / С. Алешина — «Научная книга»,
2005 — (Театр одной актрисы)

«...Соня прекрасно знала, что в карманах у нее, кроме горсточки семечек, фантика от жевательной резинки и использованного проездного билета на троллейбус, ничего нет. Вот только молодой человек об этом не знал. В темноте пальцы, сжатые в кулак в кармане, могли сойти за пистолет.— Простите, не надо стрелять, я сейчас руки подниму, у меня нет никакого оружия, и вообще, я требую адвоката, — произнес на одном дыхании, без пауз молодой человек. — Я вам все сейчас расскажу, у меня тут девушка, я за ней слежу, мне кажется, что у нее роман.— И кто же эта девушка? — поинтересовалась Соня, разглядывая молодого человека. Первоначальный испуг парня прошел, в действие включились мозги, и он задал встречный вопрос:— А вы, собственно, кто?...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Госпожа на побегушках

Глава 1

Соня пребывала в мрачном расположении духа. По телевизору шла церемония вручения театральной премии «Золотая маска». Одну из наград вручили ее бывшей однокурснице Даше Уваровой. Та стояла на сцене, в обалденном вечернем платье, с умопомрачительной прической и прижимала к груди сверкающую маску.

– Я ужасно волнуюсь! Это такая честь для меня, для нашего коллектива... Спасибо моему режиссеру, Илье Пригожину, который дал мне возможность сделать эту работу. Спасибо моим педагогам из театрального училища, которые, несмотря ни на что, верили в меня, научили меня всему, что я умею...

«Спасибо педагогам», – хмыкнула Соня, выключая телевизор. Смотреть все это дальше было выше ее сил. Ведь эта самая Даша Уварова не блистала особыми талантами во время учебы. Она с трудом сдавала экзамен по мастерству. Только каждый раз находилась добрая душа, предлагающая дать девушке еще один шанс. Даша и Соня жили в одной комнате в общежитии прямо с первого курса. Софе частенько приходилось успокаивать подругу.

– Да, тебе хорошо, – обливаясь слезами, жаловалась Уварова. – Тебе все легко дается! Ты талантливая, тебя только хвалят. Вон, Мареев опять тебя в пример ставил. А я... – снова начинала рыдать Дашка.

Все же ей дали возможность доучиться и получить диплом. В конце концов, тысячи людей получают высшее образование, не имея на это никаких оснований. После училища пути подруг разошлись. Даша уехала в свой родной городок работать в местном театре, а Соня получила неплохое предложение от одного экспериментального молодежного коллектива, который обещал стать сенсацией в театральном мире. Обещание так и осталось обещанием – через полгода перспективный режиссер смотался за границу, прихватив с собой все идеи, а коллектив распался, не выдержав конкуренции.

Где справедливость, спрашивается? Откуда выплыла эта серенькая мышка Даша Уварова? На ее месте сейчас должна была быть Соня! Это она, Соня Невзорова, должна была получать премию, стоять на сцене в роскошном платье и говорить трогательные слова о педагогах, о режиссере и своей работе. Пойти выпить, что ли, с горя? Ну почему жизнь устроена так несправедливо! Соня вздохнула и пошла на кухню. Неприятный осадок следовало заесть чем-нибудь сладким.

Так ли должна была сложиться ее жизнь после окончания училища? Конечно же, нет! После того как театр развалился, Соня вернулась в родной город. Это, конечно, не столица, но многие известные актеры начинали свою карьеру именно в здешнем театре. Невзорову с красным дипломом столичного театрального училища приняли на ура. Правда, как оказалось, в театре и своих актрис было предостаточно. Но Соне посчастливилось сыграть не только Зайчика Трусю, поросенка Хрюшу и мальчика Петю на детских утренниках. В ее репертуаре значились и пара-тройка серьезных интересных работ. Офелия, Нина Заречная... Ее уже начинали узнавать на улицах! Поклонники дарили ей не только букетики увядших гвоздичек, но и шикарные розы, а один очень даже большой начальник сделал ей предложение руки и сердца! Правда, выяснилось, что руки его были заняты женой и троими детьми...

Все было бы хорошо, если бы не новое руководство театра. У Сони не сложились отношения ни с новым директором, ни с новым режиссером, ни с его женой, актрисой с весьма средними способностями вкупе со склочным характером. Вначале Соню сняли со всех значи-

тельных ролей, потом перевели во второй состав, а следом вежливо намекнули, что ей лучше поработать с другим режиссером. Софья не стала подавать в суд, не стала бороться, а просто написала заявление об уходе. Благо, в городе еще три приличных театра, вот только ни один из них так и не раскрыл дверей перед актрисой Невзоровой. Она сильно горевала по поводу профессиональных неудач... А потом с мамой случилось та злополучная автокатастрофа, в результате которой Маргарита Ярополковна оказалась прикованной к инвалидному креслу. Все переживания по поводу отсутствия работы отошли на второй план... Больницы. Одна, вторая, третья операции, уход за мамой – все это как-то притупило боль. Слава богу, что мама осталась жива, хотя работать в своей любимой школе учителем истории уже не могла. Соня как-то смирилась с тем, что сцена осталась в прошлом, хотя в такие дни, как сегодня, обида и горечь накатывались с новой силой.

В холодильнике не нашлось ничего, что могло бы как-то скрасить ее существование.

– А пойду и напьюсь, – пробормотала Соня, вынимая из пустой банки от кофе «Chibo», служившей им с мамой сейфом, сбережения семьи Невзоровых. До недавнего времени она ни за что бы так не поступила. Деньгами в их семье всегда распоряжалась Маргарита Ярополковна: выделяла Соне на карманные расходы, вела хозяйство и при этом как-то ухитрялась экономить.

На зарплату учительницы истории и начинающей актрисы не очень-то пошikuешь, а с Сониной непрактичностью они могли в два счета сесть на мель. Маргарита Ярополковна лелеяла тайную надежду, что дочь удачно выйдет замуж и все финансовые проблемы возьмет на себя Сонечкин муж. Бывшая учительница пыталась сосватать для дочери кого-нибудь из своих бывших учеников, благо среди них было много состоятельных людей. Время шло, но Сонечка никак не хотела выходить замуж за обеспеченных, достойных молодых людей. Для нее, как для натуры романтической, на первом месте стояла любовь, а уже потом практические соображения.

– Соня, детка, я боюсь за тебя, – частенько говаривала Маргарита Ярополковна. – Как ты будешь жить, когда меня не станет? Ты просто умрешь с голоду, если о тебе будет некому заботиться!

Слава богу, что у них недавно объявился состоятельный родственник. Да не какой-нибудь троюродный, а самый что ни на есть ближайший. Сонин отец, гражданин дальнего зарубежья, а именно Германии...

Карл Кердель, единственный мужчина, любовь всей жизни Маргариты Ярополковны, узнал о существовании взрослой дочери совсем недавно. Как честный человек, господин Кердель решил позаботиться о своей несостоявшейся семье. Каждый месяц с немецкой аккуратностью он высылал на имя Сони достаточную сумму денег, дочь и некогда любимая женщина не испытывали нужды. На семейном совете было решено деньги эти не тратить, откладывая на черный день или на какое-нибудь радостное событие. Под «радостным событием» Маргарита Ярополковна понимала возможную свадьбу дочери, а Соня – поездку к отцу.

Конечно, иногда Софья снимала «со счета» из банки небольшую сумму, но всегда старалась вернуть ее при первой же возможности. Поскольку сегодняшний был именно «черным», она со спокойной совестью взяла несколько купюр.

В комнате матери хлопнула дверь. В коридоре послышался характерный скрип инвалидной коляски. Соня быстренько спрятала деньги и поставила банку на место.

– Сонечка, почему ты не спишь? – поинтересовалась мать, въезжая на кухню.

– Не знаю... Что-то душно, пойду прогуляюсь, – отозвалась Соня.

– У тебя что-нибудь болит? – заботливо произнесла мать, взглядываясь в лицо дочери.

– Что ты выдумываешь! Просто пройдусь... Ты меня не жди, я, может, к кому-нибудь в гости загляну. Приду поздно.

– Что случилось? – тревожным голосом переспросила Маргарита Ярополковна. – У тебя неприятности?

– Мам, ну перестань, какие у меня могут быть неприятности! Могу я просто пойти погулять, пообщаться с друзьями...

– Сонечка, детка, какие друзья? Какие могут быть прогулки, уже одиннадцатый час ночи!

– Мама, летом все кафе и бары работают круглосуточно, а нормальные люди гуляют как раз в это время.

– Нормальные? Раньше, когда я была молодой, нормальные люди в это время уже возвращались домой, чтобы с утра встать пораньше со свежей головой и отправиться на заводы, фабрики, стройки и... – тоном учителя, рассказывающего ученикам о достижениях нашей великой и огромной державы, произнесла Маргарита Ярополковна.

– А в наше время они выходят на работу – в банки, в фирмы, на рынки... Только это они делают в рабочие дни. Сегодня суббота, понимаешь, завтра выходной, – Соня едва сдерживалась, чтобы не перейти на крик.

Но подошла и чмокнула Маргариту Ярополковну в щеку.

– Мамулечка, иди ложись! Я уже достаточно взрослая девочка!

С этими словами Соня выскользнула из кухни. По дороге она прихватила джинсовую курточку, сумочку и быстро выскочила на лестничную площадку, чтобы больше не спорить с матерью.

На улице было довольно светло и прохладно. Людей, несмотря на столь поздний час, много. Столики во всех ближайших открытых кафе заняты, в центр ехать не хотелось... Но не сидеть же на лавочке у подъезда в ожидании хорошего настроения!

Соня направилась к автобусной остановке. Но в этот вечер с транспортом ей не повезло. Софья, устав ждать, решила остановить машину.

Стекла в кабине были затемнены, поэтому она не сразу разглядела того, кто сидит за рулем.

– Куда поедь, красавица? – причмокивая, спросил представитель одной из южных народностей, в изобилии проживающих в их среднерусском городке. «Представитель» наверняка торговал на рынке абрикосами, курагой или хурмой.

– Нет, спасибо, – торопливо проговорила Соня, отскакивая от машины.

– Э, зачем чловэка обижаешь? – огорчился водитель, высовываясь из окна кабины и провожая взглядом соблазнительную фигурку, обтянутую джинсами. Соня кожей почувствовала липкий взгляд автовладельца.

– Сама остановыла, а тэпер отказываешь!

– Извините, я просто время хотела узнать, – пояснила Соня с безопасного расстояния.

Владелец машины что-то сказал на своем родном гортанном наречии, скорее всего не очень приятное, и уехал.

Софья беспомощно огляделась в поисках решения транспортной проблемы. Принца на белом коне или доброго волшебника на ковре-самолете не наблюдалось. Она прикинула, сколько времени понадобится, чтобы пешком дотопать до центра, где концентрировались все увеселительные заведения. Получалось довольно прилично, часа полтора-два, если по дороге с ней не случится никаких приключений. Соня решила еще раз попытать счастья. И начала «голосовать». Первая же машина остановилась... К счастью, за рулем оказалась молодая женщина.

– На Центральную подбросите? – спросила Соня, наклоняясь к окну.

– Садись, – кивнула девушка.

Софья устроилась на заднем сиденье. Несколько минут они ехали молча, потом Соня поймала в зеркальце внимательный взгляд автомобилистки. И он ей не понравился. Слишком пристальный, подозрительный...

– Ну что, подруга, куда на ночь глядя собралась? Приключений ищешь? – поинтересовалась хозяйка авто.

«Странная какая-то, – подумала Софья, прижимая к груди сумочку. – Интересно, среди женщин маньячки встречаются? Господи, и зачем я затеяла эту прогулку? Позвонила бы Татьяне или Ленке, на худой конец к Олегу в гости напросилась бы...»

Соня осторожно выглянула в окно. Так, скоро они подъедут к людным местам. Надо дожидаться момента, когда машина затормозит возле светофора, и выскочить... Она незаметно протянула руку к дверце, готовясь в нужную секунду открыть ее. Но та, как назло, оказалась заблокированной. «Ну, все, это конец», – пронеслось в Сониной голове, а память услужливо напоминала сюжеты из передач «Дорожный патруль» и «Криминальной хроники». Тут она вспомнила о баллончике лака для волос, который всегда таскала в сумочке – так, на всякий случай. «Живой не сдамся, – подумала она. – Брызну ей в глаза, открою окно и позову на помощь. Не поможет – что-нибудь придумаю». Она достала баллончик, сняла колпачок и занесла его над головой маньячки.

– Девушка, – почти ласково позвала ее Соня и, дождавшись, когда та обернулась, нажала на распылитель. Машина дернулась, струя лака для волос пронеслась почти в миллиметре от глаз автовладелицы. Женщина резко затормозила, едва не протаранив фонарный столб.

– Смотри-ка, совсем загордилась, своих уже не признает. Сонька, ты что, с ума сошла?! – рявкнула «маньячка». – Не хватало из-за тебя на тот свет отправиться!

С этими словами она включила свет в салоне.

Соня ошарашенно уставилась на хозяйку автомобиля, откуда-то знающую ее имя. При свете лицо ее показалось знакомым. Но от страха, охватившего ее, Софья никак не могла вспомнить, где они встречались.

– Господи, Невзорова, ты все такая же сумасшедшая, не от мира сего! Ничуть не изменилась со школьных времен...

– Инна? – неуверенно произнесла Соня. – Ты?

– Я, я, – хмыкнула одноклассница, доставая из стильной сумочки пачку дорогих сигарет. Она щелкнула причудливой зажигалкой желтого цвета и прикурила.

– Тьфу, ты меня до инфаркта чуть не довела! Нельзя же так! Я уж думала, что ты маньячка какая-нибудь, перепугалась до смерти. Еще чуть-чуть, и мне понадобились бы памперсы, – призналась Соня.

– Ладно, хватит трагедию разыгрывать, не на сцене, – усмехнулась Инна. – Куда это ты на ночь глядя? На свидание?

– Какое там свидание! – отмахнулась Соня. – Хотела выпить где-нибудь чего-нибудь покрепче.

– Надо же, какое совпадение! Я тоже собиралась где-нибудь посидеть! Поехали!

– Ну, я не знаю, – замялась Соня, прикидывая, во что ей обойдется «посидеть» в компании с Инной, известной транжиркой. Родители бывшей одноклассницы были состоятельными людьми, и Инна еще со школьных времен славилась привычками «светской львицы»: если школьная форма, то чуть ли не от Диора, если напитки, то «Мартини», если транспорт, то такси. И сейчас она выглядела так, словно сошла с картинки глянцевого гламурного журнала. Пышные волосы уложены в замысловатую прическу и выкрашены в соответствии с самыми последними тенденциями моды – переход от более темного цвета на затылке к более светлым прядям того же оттенка на висках.

В школе Инна была единственной девочкой с длинной, ниже пояса, косой. Как-то она даже стала победительницей городского конкурса «Длинная коса – русская краса». Косы, конечно, сейчас не наблюдалось, но волосы по-прежнему были великолепны. Соню просто обуяла зависть, и она не смогла удержать вздоха, который Инна истолковала превратно:

– Не жмись, я угощаю! Пойдем в нормальное место, а не в какой-нибудь «Макдоналдс», гамбургеры лопать. Не каждый день видимся! Забавно, я тебя после школы три раза видела, ты не меняешься. Все такая же...

Соня кивнула. Она прекрасно помнила все эти встречи. Первый раз – на премьере «Гамлета», где она играла Офелию. После спектакля был солидный банкет, устроенный спонсорами. Они с Инной столкнулись в туалете. Бывшая одноклассница задала совершенно дурацкий вопрос – что здесь делает Соня? Ей даже не пришло в голову, что Невзорова – та самая Офелия. Впрочем, сам спектакль, как поняла позже Соня, мало волновал Инку. На банкете она очаровывала своего спутника, красивого немолодого иностранца.

Второй раз они встретились на юбилее школы. Бывшая одноклассница даже не узнала Соню. Или сделала вид, что не узнала... А в третий раз девушки увидели друг друга на похоронах их старого учителя.

Через пару минут девушки уже сидели за столиком в одном из самых дорогих и престижных ночных клубов. Инна сделала заказ, а Соня продолжала задумчиво изучать меню. От цен ей сделалось плохо: содержимого ее кошелька хватило бы только на бокал пива и одну порцию какого-нибудь салата. И нужно еще оставить денег на такси...

– Кхм, кхе-кхм-кх, мне чего-то есть не хочется, – сквозь кашель пробормотала Соня. – Может, пойдем куда-нибудь в другое место? Здесь за углом есть чудное кафе-мороженое, там и цены ниже...

– «В кафе-мороженое»! – передразнила Инна. – Тоже мне школьница-переросток! Пора уже в солидные заведения ходить, а не ерундой заниматься. И хватит на цены смотреть, ты давай заказывай!

Обернувшись к официанту, она сказала:

– Пока продублируйте мой заказ, а потом разберемся.

Через пару минут на столе появились бокалы, бутылка какого-то итальянского вина, салатики, тарталетки и горячее. В зале было прохладно, полутемно, приглушенно звучала музыка. После второго бокала вина Соня почувствовала себя спокойнее, горечь от победы Дашки Уваровой куда-то улетучилась. С третьим бокалом актриса почти забыла о своих проблемах.

– Ну рассказывай, как живешь, с кем живешь, чем дышишь, – поинтересовалась Инна.

– Да так, с переменным успехом. Жизнь бьет ключом и все норовит по темечку, – пошутила Соня.

Ей не очень-то хотелось плакаться бывшей однокласснице в жилетку, наоборот, надо быть уверенной в себе, удачливой...

– Сейчас временно не работаю, жду хорошего режиссера. В театре теперь, сама понимаешь, одна коммерция, им голые груди подавай, групповуху... А я больше на классике специализируюсь. На том, что вечно.

– Ага, понимаю, из театра тебя выперли, – заключила Инна, подливая Соне очередную порцию вина. – Значит, ты сейчас без работы. А как на личном фронте?

– На личном фронте без перемен, – отозвалась Софья, провожая взглядом танцующую парочку. Мужчина чем-то отдаленно напоминал Рыбака... Такое же мужественное, интересное лицо, а вот спутница его была так себе. Соне показалось, что она слишком блондиниста, чересчур длиннонога и худая. «Выдра», – констатировала она про себя и обратилась к Инне: – Был мужчина, мы недавно расстались. Из-за его работы, он все никак не мог выбрать...

– Понятно, значит, ты свободна. Как убиваешь время?

– Да никак, – пробормотала Соня. – Лучше расскажи, как у тебя дела. Ты-то замужем? Про работу не спрашиваю, у вашего семейства денег всегда хватало.

– Слушай, – вдруг перебила ее Инна, – а что ты делаешь в ближайшую неделю?

– Да ничего особенного, буду заниматься домашними делами, а в промежутке искать работу или выполнять персональные заказы по рекламе. Девочку одну готовлю к поступлению в театральный...

– Хочешь заработать? – оживляясь, предложила Инна. – Внакладе не останешься, условия замечательные. Ты же у нас и поешь, и танцуешь, и, кажется, массовиком-затейником была в пионерском лагере...

– Да, только когда это было! Я еще в театральном училась, сколько лет прошло. Что делать-то надо? – вяло поинтересовалась Соня. Работа, конечно, была нужна, но представить себя в качестве организатора досуга каких-нибудь старичков в доме отдыха или балбесов-школьников в детском лагере она не могла.

– Ничего страшного, у тебя получится! – заверила Инна. – Ты не только меня выручишь и деньги получишь, но еще и человеку жизнь спасешь...

При словах «жизнь спасешь» Соня включила все свое внимание. Спасать жизни куда интереснее, чем развлекать пресыщенных богачей! В памяти сыщицы еще были свежи воспоминания о недавнем интереснейшем расследовании.

Инна начала рассказывать. С каждой минутой ее предложение казалось заманчивее и заманчивее.

– У меня есть троюродная сестра, Анжелика. Мы с ней всегда были очень дружны, у нее, кроме меня, и подружек было раз-два и обчелся. А когда замуж вышла – и тех почти не осталось. Слышала про Аристотеля Джанаелиди?

Соня пожала плечами. Она смутно припоминала, что слышала эту фамилию, правда, в той, прежней, еще театральной жизни. Этот человек возглавлял какой-то комитет, кажется, занимался политикой.

– Ну ты даешь, подруга! Джанаелиди, самый богатый человек нашего города! Пароходство, греко-русская торговая фирма, ресторан «Золотое руно», казино «Оливковая ветвь»...

– Слушай, а откуда у него все это? – осторожно осведомилась Соня. – Он, случайно, не криминальный авторитет какой-нибудь?

Инна изумленно уставилась на нее и, хихикнув, ответила:

– Ты что? Он наш, отечественный грек. Вся родня там, а он здесь, в России. Перебрался сюда в конце восьмидесятых. У них бабушка была русская, а прадед – грек натуральный. Лавку тут держал, в нашем музее краеведческом фотографии его даже есть. Женился на русской, потом во время революции бежал. Дети его сюда частенько приезжали, много родственников осталось... Вот и Аристотель остался. У него идея «фикс» была – пойти по стопам дедушки и жениться на русской девушке. Чтоб с косою русой до пояса, как полагается. Искал-искал и нашел нашу Анжелику. Я их познакомила на какой-то презентации, у него дела с моим шефом были. Мы телефонами обменялись... Такой шустрый был старикашка!

– погоди, я уже совсем запуталась в этих греках, шефах, родственниках, – остановила ее Соня. – Ты мне конкретнее объясни, зачем я тебе понадобилась!

– Господи, элементарно же! Аристотель в прошлом году умер, оставил Анжелике кругленькую сумму в наследство, а у нее после его смерти крыша поехала. Ей бы жить и радоваться, а она дурью мается. Короче говоря, у нее депрессия страшная. Она почти никуда не выходит, мобильных телефонов бояться стала... Мало того, мысли дурацкие в голове у нее бродят. Она решила, будто ее преследуют, хотят убить. Вбила себе, что это кто-то из близких. Мне бы такие деньжищи, уж я бы знала, как ими распорядиться, – призналась Инна.

Соня подумала о том же, только вслух ничего не сказала. Да, если бы ей хотя бы часть такого богатства! Девушка мечтательно вздохнула. Она бы купила маме новую коляску, есть такие со встроенными компьютерами, лучше любого автомобиля. Наняла бы помощницу по хозяйству. Потом обязательно купила бы себе квартиру, поближе к Олегу Рыбаку. А главное, потратилась бы на нижнее белье, дорогущее, с роскошными черными кружевами... Да, Олег

бы тогда точно не смог устоять! Соня уже представляла, как Рыбак становится перед ней на одно колено и признается в вечной любви...

– Соня, ты меня слушаешь? – в самый неподходящий момент Инна вернула ее с небес на землю.

– Да, конечно... Я тебя тоже, – промурлыкала Соня, у которой перед глазами все еще стоял Олег.

– Соня, ты чего? – воскликнула Инна, пытаясь понять, что происходит с подругой.

Та вспыхнула и смущенно улыбнулась, отгоняя от себя романтические видения.

– Странно все это! С чего вообще эта твоя Анжелика решила, что ее хотят убить?

– Да говорю же тебе, она – богатая наследница! Все состояние мужа к ней перешло по завещанию! Но в нем есть один пункт. Аристотель хотел, чтобы жена осталась верной ему и после смерти, поэтому там говорится, что если поведение Анжелики будет признано аморальным...

– В каком смысле? – уточнила Соня.

– Ну, безнравственным, неприличным... Так вот, в этом случае наследство перейдет к родственникам Аристотеля.

– Тогда зачем ее убивать? Не вижу связи! По-моему, твоя сестра просто чокнутая...

– Ты не права, у нее просто депрессия, – возразила Инна. – Только, понимаешь, она настолько трепетно относится к памяти мужа! Да и вообще, Анжи всегда была образцом доброты... Короче говоря, скорее пингвины в Африку переселятся, чем Анжелочка совершит какой-либо безнравственный поступок! Все это прекрасно понимают, и поэтому, как думает Анжелика, они хотят ее просто убить! Чтобы добраться-таки до наследства! Она в этом абсолютно уверена... Теперь понимаешь?

– Теперь понимаю, – кивнула Соня.

– Но самое главное – однажды сама Анжелика мне на это туманно намекнула, – что как раз в случае ее смерти при сомнительных обстоятельствах никто ничего не получит! Аристотель не дурак был – знал, на что способны его родственнички! Только весь вопрос в том, что именно понимать под «смертью при сомнительных обстоятельствах»?

– Но я-то здесь при чем? – Соня была удивлена.

– Сейчас объясню, – заторопилась Инна. – Понимаешь, мы решили собрать всех родственников и отвлечь Анжелику от этого кошмара. Она посмотрит на них и поймет, что все это чушь собачья, никто ей смерти не желает.

– А я тут при чем? – никак не могла уловить главную мысль Соня.

– Ты – новое лицо, свежий взгляд. Если кто-то действительно хочет убить Анжелику, он себя проявит. Понимаешь? Лично я считаю, что все это ерунда, только меня она слушать не станет. А тебя, как лицо незаинтересованное, послушает. И потом, ты все же актриса! Вне-сешь, так сказать, живую струю. Будем музицировать, петь, можем организовать какой-нибудь спектакль... Все это отвлечет сестру от грустных мыслей. И к тому же ты получишь приличные деньги. Ты подумай, назови сумму в пределах разумного...

Соня наморщила лоб и потянулась рукой к сумочке за несуществующим деловым блокнотом.

– Ты знаешь, я, конечно, посмотрю, но, по-моему, у меня все дни расписаны, – проговорила она, набивая себе цену.

Инна сделала вид, что приняла правила игры:

– Может быть, можно отменить какие-нибудь встречи? Я согласна на выплату компенсации. Между прочим, дом у Анжи замечательный. Великолепный сад, озеро с лебедями, бассейн... Настоящий райский уголок!

– Ну, я не знаю... Маму оставлять надолго, далеко уезжать, – обронила Соня.

– Господи, да это всего в тридцати минутах езды от вашего дома на автобусе! А если на машине, и того меньше. Это в Сосенках, знаешь, там коттеджи новых русских...

Соня кивнула. Она хорошо знала этот район. На самом деле настоящий рай: сосновый лес, озеро, свежий воздух и тишина. Здесь, в элитном поселке на окраине, со всеми коммуникациями, магазинами и асфальтированными улицами, которым могла бы позавидовать даже Центральная, селились самые богатые жители города. Крохотный кусочек земли в этом месте стоил как билет до Майорки или Ямайки в VIP-классе. Соне отчаянно захотелось принять предложение Инны, хоть одним глазком взглянуть на роскошную жизнь, тем более в качестве приглашенной гостьи. Ломать комедию дальше нельзя, бывшая одноклассница вот-вот могла поверить в Сонину занятость и снять свое предложение с повестки дня.

– Ладно, уговорила, – согласилась Соня.

– Вот и славно, – отозвалась Инна, протягивая деньги. – Это аванс. Остальное – как договоримся.

Софья хотела было отказаться, но, поразмыслив, взяла. У Инны их все равно более чем достаточно, а Соне они не помешают.

– Так, встречаемся завтра, часам к одиннадцати будь готова.

Они посидели еще с часок, предаваясь воспоминаниям школьной поры. Соня окончательно забыла про Дашку Уварову, про все свои печали и невзгоды. Инна оказалась отличной собеседницей. Софье стало казаться, что они были подружками с первого класса... Она уже была готова сделать все возможное, чтобы ее не разочаровать.

– Ну что, подруга, погуляли и хватит, а то завтра проспишь все на свете! Пора закругляться, – предложила Инна, подзывая официанта.

Соня тут же потянулась за своим кошельком, намереваясь заплатить хотя бы половину.

– Убери деньги, платить буду я, – отрезала подруга, достала несколько хрустящих купюр, протянула их официанту, что-то тихо шепнув.

– А на чай? – встрепелась Соня.

– Я уже все дала! Поднимайся, я попросила вызвать нам такси. Подождем на улице, – сообщила Инна, помогая подняться Соне.

– Почему на такси? А твоя машина? Я не хочу на такси, хочу на машине, – принялась капризничать актриса.

– Пьяный водитель – потенциальный убийца, – заметила Инна, вытаскивая подругу на улицу.

– Слушай, а я, кажется, того... Напилась! – с удивлением отметила Соня после того, как пару раз споткнулась. – Мы же пили одинаково? Или нет? Слушай, а который сейчас час? Я маме обещала не позже двенадцати...

Она поднесла к глазам часики, но цифры почему-то расплывались, никак не желая соединиться в четкую картинку. Что было дальше, она помнила смутно. Инна впихнула ее в такси, назвала адрес. Как они доехали, как Соня поднялась на свой этаж и умудрилась открыть дверь, осталось для нее загадкой. Сил на переодевание не было, Соня на автопилоте доползла до кровати и рухнула как подкошенная.

Наутро ее ожидала расплата за бурно проведенный вечер: голова раскалывалась, во рту было сухо, под глазами – темные круги, лицо серое. В довершение ко всему на ее любимой футболке расплылось какое-то жирное пятно. Соня осторожно повернула голову в сторону часов, висевших на стене. Десять утра. Ничего себе! На сборы у нее меньше часа, вот-вот позвонит Инна, а она только глаза открыла. А мама? Не хватало только ее нравоучений и рассказов из учительской практики! Соня осторожно спустила ноги с кровати и, держась за стену, выползла в коридор. В квартире было подозрительно тихо. Как бывает перед бурей...

Добравшись до ванной, она закрыла дверь и перевела дух. Ну вот, слава богу, кажется, мама не заметила ее передвижений. Сейчас примет душ, подкрасится, ликвидирует признаки бурной ночи. Мама варит замечательный кофе – ароматный, с густой светло-коричневой пенкой... Да, только на этот раз Соня сварит сама.

Через двадцать пять минут, посвежевшая, она вышла из ванной. На кухне что-то бормотал телевизор, по квартире распространялся запах кофе.

Соня вздохнула, натянула на лицо самую беспечную улыбку из своего актерского багажа и вошла в кухню. Мать колдовала у плиты, сидя в своем кресле спиной к Соне.

– Доброе утро, мамочка! Как вкусно пахнет! – произнесла девушка, чмокая Маргариту Ярополковну в ухо.

– Доброе, если его можно таким назвать, – сухо отозвалась та, разворачивая кресло.

Соня, делая вид, что не понимает причину дурного настроения матери, достала крохотные кофейные чашки темно-синего фарфора с золотыми прожилками и налила кофе.

– Мамуся, ты гений, кроме тебя, никто так не умеет варить кофе! Тебе можно за доллары свой рецепт продавать, – попыталась она подлизаться.

– Соня, хватит меня нахваливать, – строго глядя поверх очков, произнесла Маргарита Ярополковна. – Позволь объясниться, где ты вчера была и во сколько вернулась домой? – Мам, мне уже не шестнадцать, – попыталась оправдаться Соня. – И вообще, выяснять отношения на голодный желудок очень вредно, прямой путь к язве. А от язвы до...

– Дочь, посмотри на себя в зеркало, – прервала ее мать. – Ты выглядишь как падшая женщина! Посмотри, что у тебя под глазами, на кого ты похожа?

– Мамуся, ты ведь сама говорила, я очень похожа на папу, – попыталась отшутиться Соня.

Ее слова только обострили ситуацию. Маргарита Ярополковна поджала губы и, строго взглянув на дочь, произнесла:

– Как ты можешь, разве этому я тебя учила? Разве такой пример я подавала тебе все эти годы? Ты хотя бы раз в жизни видела меня в таком состоянии?

– Господи, мама, в каком состоянии? Я что, под забором валялась? Может быть, меня домой соседи принесли или тебе позвонили из вытрезвителя? Ну, выпили с подружкой за встречу... Кстати, она мне работу предложила! – возмутилась Соня, ставя чашку на стол.

– Между прочим, женский алкоголизм не вылечивается, – обронила мать, отъезжая к окну. – У меня была ученица одна, Танечка Воропаева, как сейчас помню, тоненькая, беленькая. Умница, отличница, школу с золотой медалью закончила, в университете на химическом факультете училась. Красный диплом, аспирантура, лаборатория... А там спирт выдавали, для технических нужд. Тогда это страшный дефицит был. Спилась...

– Я прекрасно помню эту твою Воропаеву, у них все в роду пили! Папа, мама, братья, сестры, даже собака Шарик... У нее гены такие! Хватит, мамочка, страшные истории рассказывать. Ты лучше послушай, что я говорю. Я вчера встретила Инку Тимину, мою одноклассницу, помнишь, у нее еще коса длинная была.

– Да, конечно, помню, – отозвалась Маргарита Ярополковна. – Очень сложная девочка была! Своевольная, с характером.

– Мам, она меня пригласила в гости к своей родственнице на несколько дней.

– Так в гости или работать? – уточнила мать.

– Ну, в общем, нужно развлечь гостей... Домашний спектакль и музицирование, что-нибудь в этом роде. Ты как, справишься без меня? Честное слово, звонить буду каждый день.

– Соня, доченька, я, конечно, не против, только как-то это нехорошо. Развлекать богатых гостей, есть в этом что-то...

– Мама, ты все еще живешь в мире пионерских костров и партийных съездов. Мне все равно, что делать, если за это платят! Я даже к стриптизу готова!

Эти слова окончательно шокировали бедную Маргариту Ярополковну, и она с изумлением смотрела на дочь.

– Я пошутила! Стриптиз я показывать не буду, – рассмеялась Соня. – Если только за очень-очень большие деньги...

Мать только махнула рукой, подумав о том, что в последнее время с Соней происходит что-то странное. Вот они, недостатки воспитания в неполной семье!

– Мамуся, хватит придумывать себе проблемы, все у нас будет замечательно! Хочешь, я тете Касе позвоню, пусть погостит у нас, в мое отсутствие. Не так грустно, когда живая душа рядом...

Тетя Кася, она же Кассиопея Анатольевна, давнишняя мамина подруга, старая дева, учительница французского языка, с радостью приняла бы это предложение. Семьи у нее не было, свободного времени вагон и маленькая тележка, а заботы – только о трех котах и двенадцати кактусах. Правда, помощницей ее можно назвать с большой натяжкой: прожив почти всю свою сознательную жизнь в обществе двух тетушек, Кассиопея Анатольевна имела смутное представление о домашнем хозяйстве. При наличии небольшого капитала, доставшегося ей от папы-дантиста, тетя Кася могла позволить себе приходящую домработницу. Практической пользы от подруги не было никакой, жизнь ее сопровождалась всевозможными недоразумениями и комическими происшествиями. То она чайник на плите спалит, то кота в стиральную машину запихнет, то еще что-нибудь...

– Нет, большое спасибо, я до сих пор не отошла от ее последнего визита! Эти коты и кактусы все еще приходят ко мне в ночных кошмарах, – отрезала Маргарита Ярополковна. – Сама справлюсь, а ты поезжай, подыши свежим воздухом, отдохни. Только, пожалуйста, не злоупотребляй спиртным! Я где-то читала, что люди твоей профессии склонны...

– Мам, – перебила ее Соня, поднимаясь из-за стола. – Я пошла собирать вещи. Где моя гастрольная сумка? Тысячу лет ее не видела.

– Там, где всегда, на антресолях. Ты никогда не знаешь, где твои вещи. У меня такое чувство, что ты гостья в нашем доме, – тихо добавила она.

Соня сделала вид, что не расслышала последней реплики. Мир в семье был восстановлен, и начинать новую ссору не было смысла. Она пошла собирать вещи, представляя себе, как весело проведет время. С тех пор, как она ушла из театра, праздники не так уж часто случались в ее жизни.

Через некоторое время Соня забеспокоилась – звонка от Инны все не было. Неужели она забыла о своем приглашении? Не добралась вчера до дома? Предположения, одно страшнее другого, терзали ее душу. Телефон, как назло, не умолкал все утро. То звонили какие-то мамы ученики; то спрашивали прачечную, то зоопарк, то женскую консультацию, то какого-то Васю. В конце концов терпение Сони кончилось. В очередной раз сняв трубку, она просто рывкнула в нее:

– Вася ушел в женскую консультацию посмотреть на африканских животных!

На том конце провода молчали, очевидно, переваривая информацию. Потом кто-то неуверенно спросил:

– А Соня? Ушла вместе с ним?

– Я слушаю, – торопливо проговорила Софья, узнав голос Инны. – Привет, ты где? Я думала, случилось что-нибудь, сижу как дура на чемоданах.

– Привет, – отозвалась та. – Понимаешь, у меня тут проблемка возникла небольшая. Я сегодня не смогу с тобой поехать...

– Ну вот, а я от такой хорошей работы отказалась, – расстроено произнесла Соня.

Хорошая работа – это, конечно, сильно сказано. Сегодня Соня должна была рекламировать колбасу «Деревенские радости». Два часа в костюме колбасы (который смахивал на нечто

совсем другое, скорее на продукт переработки этой самой колбасы) нужно было простоять у магазина, читая дурацкий стишок:

«Деревенская колбаска» лучше в мире всякой ласки. Съем колбаску сам, никому не дам. Заходи, дружок, купи не пирожок, а батон колбаски, будешь словно в сказке!»

Этот шедевр сочинил сам владелец колбасного цеха, бывший мамин ученик. Он-то и предложил Соне поучаствовать в рекламной кампании своего шедевра за весьма скромное денежное вознаграждение и пару батончиков этой самой колбаски.

Софья сперва отказывалась, но после долгих уговоров поддалась на провокацию. С одним условием – «колбаска», то есть Соня, будет в маске, чтобы, не дай бог, не узнали знакомые. Сегодня утром она с радостью отказалась от этой работы, сославшись на съемки в телепередаче.

– Ну... я не знаю, в принципе, ты можешь поехать без меня. Я позвоню Анжелике, предупрежу ее, – предложила Инна. – Заезжай ко мне, я тебе план нарисую, как добраться. И денег дам на такси.

– А что с тобой случилось? – спросила Соня.

– Придешь – увидишь, – усмехнулась Инна и повесила трубку.

Соня подхватила сумку с вещами.

– Мам, пока, я поехала, буду звонить, – крикнула она, всовывая ноги в босоножки.

Маргарита Ярополковна вырулила в коридор и внимательно посмотрела на дочь:

– Соня, прошу тебя, холодную воду не пей, вечером одевайся теплее... И без глупостей! Да, вчера по телевизору сообщили, что надвигается какой-то ужасный циклон. Возьми зонт и плащ.

– Мамуся, – она поцеловала мать в щеку, – все будет хорошо, честное пионерское!

Маргарита Ярополковна покачала головой. Она слишком хорошо знала свою дочь, чтобы не волноваться.

Софья выскочила на улицу, улыбнулась соседкам, сидевшим на лавочке, и направилась в сторону автобусной остановки. Она взглянула на небо. С севера надвигались огромные чернотелые тучи. «Что-то будет», – пронеслось в голове нехорошее предчувствие.

До Инниного дома можно было добраться пешком, всего-то три автобусные остановки. Но девушке, собирающейся провести несколько дней в элитном районе, пешком ходить не полагалось. Автобус подошел быстро, даже места свободные были. Она устроилась у окна, пододвинула к себе сумку и расслабилась. Перед глазами моментально возникли разные видения, словно из чеховских пьес: огромный вишневый сад, и она, Соня, в длинном светлом шелковом платье, в соломенной шляпке, качается на качелях... А рядом красавец-мужчина с бородкой клинышком, в изящных очках. Он наклоняется, чтобы сказать что-нибудь романтическое...

– Ваш билет, – грубым голосом произнес мужчина, в секунду развеяв мечты.

Соня открыла глаза, пытаясь понять, какой билет требует от нее красавец. Однако вместо красавца-мужчины с интеллигентной внешностью над ней склонилась толстенная зубастая тетка, похожая на Серого Волка из известной всем сказки. От контролерши несло чесноком и дешевыми сигаретами.

– Билет?!

– Простите, – пролепетала Соня, пытаясь отыскать билет в карманах. Билета не было, да и не могло быть – ведь как только Соня уселась на свободное место, она предалась мечтам, вместо того чтобы купить этот злополучный билет.

Тетка с ехидной улыбкой наблюдала за трепыханиями Сони, предвкушая скорую победу. Платить штраф было выше Сониных сил. Она глубоко вздохнула, вошла в образ и подняла на контролершу глаза, полные слез:

– Простите, ради бога, я забыла купить билет...

– Ага, у всех у вас с памятью проблемы, как только дело билетов касается! Плати штраф.

Слезы ручьем покатались по щекам Сони. Для большей достоверности она громко всхлипнула:

– Меня... меня... муж из дома выгнал, без денег! Вот все, что успела собрать, – рыдая, кивнула она в сторону сумки с вещами. – А денег у меня не-е-ет, я к маме еду... Простите, я сейчас билет куплю-ю-ю... Я ему всю жизнь отдала, в квартире прописала, а он... С моей лучшей подругой, за моей спиной...

Тетка прямо на глазах превращалась из Серого Волка в обыкновенную женщину. Она глянула на зареванное Сонино лицо, вздохнула, вспомнив своего неделю не бритого Васю, и мягко сказала:

– Все они сволочи, не реви. Дети-то у вас есть?

Соня покачала головой и зарыдала с удвоенной силой. На минуту ей самой показалось, что она говорит правду. В этот момент водитель объявил Сонину остановку, она подхватила сумку и выскочила из автобуса. Контролерша так и не поняла, что перед ней была разыграна самая обыкновенная комедия, позволившая Соне бесплатно прокатиться.

Девушка достала из сумки косметичку, припудрила зареванное лицо и нацепила темные очки. Не хотелось ловить на себе любопытные взгляды прохожих. Дом Инны был расположен совсем неподалеку от остановки. Соня поднялась на пятый этаж и позвонила.

За дверью послышались легкие шаги, кто-то посмотрел в глазок.

– Это я, – сказала Софья.

– Ты одна? – отозвалась Инна, открывая дверь.

Соня едва сдержала крик. Перед ней стояла абсолютно лысая девушка с Инниным лицом, но без ее роскошных волос.

– У тебя что, вши? – ляпнула она первое, что пришло в голову.

– Тише ты, – шикнула Инна, впуская Соню в квартиру и захлопывая дверь, – сейчас все соседи сбегутся полюбоваться.

О вшах Софья слышала один-единственный раз в жизни, когда они еще в студенческую пору ездили в колхоз. Начиналось время тотального дефицита моющих средств, поэтому большинство местных ребятишек, девочек и мальчиков, были подстрижены под ноль. К концу недели студентам казалось, что в их волосах сотнями копошатся вши, и на нервной почве все начали чесаться. Каждый вечер перед сном студенты осматривали друг друга на предмет наличия отвратительных насекомых.

Тем временем хозяйка пригласила Соню в стильную гостиную, выдержанную в светлых тонах. Пушистый бежевый ковер на полу, светлые кресла и диван, белые, под цвет обстановки, розы в хрустальной вазе.

– Садись, – указала Инна на кресло.

– Можно я на стул сяду? Люблю жесткие сиденья, – пробормотала Соня и осторожно присела на краешек стула, стараясь не прикасаться ни к чему руками.

– У меня нет никаких вшей, – спокойно произнесла Инна, заметив реакцию Сони на свою новую прическу. – Сейчас объясню! – усмехнулась и вышла из комнаты. – Вот, купила в салоне на днях, – вернувшись, проговорила она, подавая Соне красивый розовый флакон с золотой надписью. – Корова, моя парикмахерша, вместо оттеночного шампуня всучила мне вот это.

– Что это? – спросила Соня, отвинчивая крышку. Содержимое флакончика пахло розами.

– Депилятор... Только выяснила я это слишком поздно, когда уже смывала этот «шампунь» с головы вместе с волосами... Она, видишь ли, перепутала... Можешь представить, какая со мной истерика случилась, когда волосы с головы клочьями посыпались!

– Знаешь, а тебе идет, – робко заметила Соня, разглядывая розовый, блестящий, идеально ровный череп. – Экстравагантно и сексуально.

– Ага, может, мне еще и татуировок по всему телу надеть, – огрызнулась Инна. – Ладно, волосы отрастут, вот только как мне по городу в таком виде передвигаться? А главное, как на работу в таком виде ходить? Пока хоть какой-нибудь ежик образуется, меня уволят, – пробормотала она, потирая лысинку.

На работу Инна ходила вовсе не из-за денег, скорее ради удовольствия. Она возглавляла отдел по связям с общественностью в одной солидной фирме. Под ее началом находились несколько человек, осуществлявших практическую часть работы. В обязанности Инны входили посещения модных тусовок, презентаций, встречи с интересными людьми.

– Слушай, тебя изуродовали в салоне, они тебе должны выплатить компенсацию за моральный ущерб, так? В деньгах ты не очень-то нуждаешься, – проговорила Соня, окидывая гостиную взглядом. – Пусть они тебе парик хороший купят или сделают из натуральных волос, твоего оттенка или какого захочешь.

Инна с удивлением взглянула на Соню:

– Слушай, Невзорова, иногда ты меня поражаешь своим здравомыслием. Я им сегодня уже звонила, обещала грандиозный скандал и иск, хотя мне от всего этого пользы как мертвому от припарок. Только все равно на это время потребуется, мне же искусственные мочалки не нужны! Так что ехать тебе придется самой или ждать, пока моя проблема решится.

Соня представила, что ей придется тащить назад тяжелую сумку, снова объясняться с мамой и даже рекламировать эту дурацкую колбасу...

– Нет, давай я поеду и буду ждать тебя там, – поспешно предложила она. – Я уже отменила все дела на этой неделе...

Инна не возражала. Она начертила схему маршрута, на всякий случай дала номер телефона Анжелики и вызвала такси.

Глава 2

Ливень начался внезапно. Вначале налетел сильный ветер, закруживший песок, куски какого-то картона, пластиковые бутылки. Стало темно, а потом началось такое, что Сонина душа ушла в пятки. Огромные градины, размером, казалось, с яйцо, барабанили по крыше машины. Водитель нажал на тормоза.

– Вот это да! – крикнул он, доставая сигарету.

Соня неприязненно покосилась на него: мог хотя бы спросить разрешения!

– Может быть, вы счетчик выключите? Я разорюсь, пока мы стоять будем, – раздраженно заметила она. Водитель не понравился ей с самого начала: не помог донести сумку до машины, молчал всю дорогу, слушал какую-то дурацкую кассету, и потом, от него несло так, словно он весь день тренировался в спортзале.

– Я не самоубийца, чтобы в такую погоду ехать! Не видно ничего! Дождь пройдет, тогда поедем, – нарушил молчание таксист и отключил счетчик. – Если вы торопитесь, можете идти пешком, тут недалеко.

Соня благоразумно решила не спорить: не хватало еще оказаться на улице в такую погоду! Ну ничего, она обязательно запомнит номер, позвонит его начальству и пожалуется на грубость.

Выглянув в окно, она заметила, что вода прибывает. Скоро ее уровень поднимется до дверцы машины... Господи, только не это! Если зальет мотор, им придется куковать здесь бог знает сколько времени...

В этот самый момент совсем рядом сверкнула молния и так грохнуло, что у Сони заложило уши. Она испуганно ойкнула и отпрянула от окна. В голову сразу же полезли страшные истории про шаровые молнии... От испуга или от нескольких чашек чая, которые Соня выпила у Инны в ожидании такси, ей ужасно захотелось в туалет. Выходить под дождь и тем более объясняться по этому поводу с водителем было как-то неудобно. Она боялась сделать лишнее движение. Мысленно ругала ливень, чай и свой организм...

Дождь шел минут двадцать. За это время грубиян-таксист не произнес ни единого слова, зато выкурил полпачки сигарет. Он безрезультатно крутил ручку радио, пытаясь настроиться на какую-нибудь радиостанцию, в ответ раздавалось шипение и невнятное бормотание.

Когда тяжелые капли перестали стучать по крыше машины, Соня выглянула в окно – река грязной воды вместо того, что еще недавно было дорогой, поваленные деревья. Ничего себе!

Водитель завел машину и тронулся с места, осторожно объезжая поваленные деревья и ямы, заполненные водой. По дороге он не стеснялся в выражениях, кроя на чем свет стоит дороги и тех, кто их кладет. Соня делала вид, что не слышит.

Наконец-то они въехали в поселок, еще минут десять ушло на то, чтобы отыскать нужный дом. Софья, страдающая топографическим кретинизмом, никак не могла сообразить, куда ехать. В конце концов терпение шофера лопнуло, и он, вырвав у Сони бумажку с адресом, разобрался сам. Они остановились у высоченного трехметрового забора.

Софья расплатилась и выскочила из машины, проклиная водителя, который испортил ей настроение, вместе с дождем, разумеется.

Осторожно обходя лужи, она дошла до ворот, которые почему-то были приоткрыты, и заглянула внутрь. Огромный двор, дорожка, выложенная фигурной плиткой, ухоженный сад в многоцветье бутонов, а главное – двухэтажный особнячок в стиле ампира с миленькими балкончиками. Настоящая декорация к «Вишневному саду» или «Трем сестрам», если бы не спутниковая антенна на крыше и камеры наблюдения по периметру дома.

«Интересно, собака тут есть?» – подумала Соня, стараясь разглядеть где-нибудь будку. Набрав в легкие побольше воздуха, она со скоростью спринтера рванула по дорожке к крыльцу.

Так быстро она давно не бегала. Дыхание сбилось, в бок закололо. Соня торопливо дернула за веревочку колокольчика, по всей видимости, заменявшего дверной звонок. Ей уже чудилось дыхание здорового пса, истекая слюной, бегущего за ней.

Через несколько минут дверь распахнулась, и на пороге появилась молодая красивая женщина с копной рыжих волос, в топике и джинсовых шортах. Она довольно неприветливо взглянула на Соню и резко произнесла:

– Наконец-то, я со вчерашнего дня жду. В агентстве сказали, что вас пришлют часам к восьми утра. Нам пришлось задержаться с завтраком! Давайте договоримся сразу: пунктуальность – главное правило этого дома. А теперь – добро пожаловать, меня зовут Анжелика Сергеевна. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату и расскажу, что нужно делать. Мне сказали, что у вас есть опыт работы и неплохие рекомендации... Надеюсь, что это соответствует истине, – протараторила хозяйка дома, не дав Соне вставить ни слова.

Софья все еще не могла восстановить дыхание, была уверена в существовании сторожевой собаки и страшно хотела в туалет. Поэтому она не стала вступать в спор. Объясниться она всегда успеет, а вот кое-куда может и не успеть.

Анжелика отвела Соню в комнату, расположенную за огромной кухней. Комнатка была уютной, небольшой, но очень светлой и чистой, с совмещенным туалетом и ванной.

– Вот ваша униформа, – кивнула хозяйка на кровать, на которой лежал голубенький халатик, кружевная накрахмаленная косынка и веселенький ситцевый фартук. – Переодевайтесь, приводите себя в порядок, через полчаса жду вас на кухне, – проговорила она и вышла. Соня едва дождалась, пока за Анжеликой закроется дверь, и рванула в туалет.

Через пять минут она могла думать о чем-то другом. Во-первых, ее спутали с прислугой. Во-вторых, о ее приезде хозяйке ничего не известно. В-третьих, стоит ли раскрывать всю правду? Соня примерила форменный халатик, оказавшийся ей впору. Его цвет выгодно сочетался с цветом Сониных глаз, а кружевная косынка придавала лицу кокетливый вид. Софья покрутилась перед зеркалом и подумала: «Ну просто героиня немого кино!» Между прочим, сохраняя инкогнито, можно замечательно провести расследование. Богатенькие гости не умрут без развлечений несколько дней, а у Сони есть еще время до приезда Инны.

Актриса прикинула, какие преимущества может принести ей роль горничной. Никто не догадается, что она здесь с тайной миссией, никто не придаст особого значения ее появлению в разных концах дома. А главное, никто не будет скрывать своих истинных чувств и намерений. Соня хорошо знала эту богатенькую публику – официанты, горничные, продавщицы для них не существуют. Такие люди не обращают внимания на прислугу и никогда не сдерживают своих эмоций. Точно так же глупо было бы скрывать свои секреты от домашних животных...

«Решено, остаюсь горничной», – подумала Соня, улыбаясь своему отражению в зеркале. А вслух сказала:

– Да, мэ. Нет, мэ. Слушаюсь, мэ.

Она взглянула на часы. Назначенные тридцать минут истекли, пора на инструктаж! Соня мысленно пожелала себе: «Ни пуха ни пера!» – и так же сама себе ответила: «К черту!»

Анжелика ждала ее на кухне, интерьер которой был достойной иллюстрацией к жизни «обыкновенных богатых людей».

– Извините, что я накинулась на вас, – проговорила хозяйка, разглядывая Соню. – Вино вато ваше руководство! У меня полон дом гостей, а горничная, как назло, сломала руку. Пришлось ее отправить домой. Кроме вас, еще есть женщина, ведущая хозяйство, садовник, шофер и повариха. Повариха приходит каждый день. В ваши обязанности входит уборка дома, чай, который мы пьем каждый вечер в девять часов, на веранде. Постели в гостевых комнатах тоже ваша обязанность. Надеюсь, у вас нет любви к алкоголю и чужим вещам. Если в течение недели

к вам не будет претензий, получите премию. Теперь потрудитесь назвать ваше имя, – попросила Анжелика.

– Соня, Софья, – произнесла актриса, начиная жалеть, что ввязалась в эту авантюру. Но отступить было уже поздно, оставалось ждать приезда Инны, чтобы потом представить все как невинный розыгрыш. Соне хотелось верить, что Анжелика не очень рассердится. С каждой минутой хозяйка нравилась ей все больше. От нее исходила аура обаяния и доброты, несмотря на то что тон ее был весьма категоричным, а выражения – резковатыми.

– Ну что ж, добро пожаловать в наш дом, – улыбнувшись, произнесла окончательно подобревшая хозяйка. – Пойдемте, я познакомлю вас с вашими коллегами, они ждут на служебной половине дома.

«Коллеги» оказались довольно милыми людьми: Антонина Степановна, дородная розовощекая женщина лет пятидесяти, с доброй улыбкой, шофер Иван Иванович, пожилой дядька с моржовыми усами, похожий на старорежимного дворника, и молодой парень лет двадцати, Юра, садовник, смахивающий на студента.

– Наконец-то кого-то в помощь прислали, а то я с ног сбилась, – произнесла Антонина Степановна, – одна не поспеваю за всем, не девочка уже. А было время, я одна весь этот дом в порядке держала: и убирала, и готовила, и за продуктами ходила. Слава богу, бегаю еще, только ноги иногда побаливают. Как дождь, так и ломают, проклятые. А после того, как Наталья руку сломала... Говорила ведь ей, не лезь на чердак, пошлем мужиков, они там порядок наведут! Так нет же, не послушала и с лестницы свалилась, вот ведь беда какая. Хорошо, тебя прислали, а то у нас гости. Я тебе потом все про всех расскажу, с кем осторожней надо быть, кто ничего. У каждого свой характер, каждому угодить нужно, – без умолку тараторила Антонина.

Через десять минут Соня захлебнулась в потоке информации. Антонина Степановна действовала по принципу акынов: что вижу, о том и пою. Пауз и переходов в своей речи она не делала, поэтому понять ее было довольно сложно. Соня устала искать логику в тех фразах, которые произносила Антонина. Мужчины же воспринимали эту болтовню как шумовой фон. Вероятно, сказывалась привычка длительного общения с чрезмерно болтливой домоправительницей. Если же она обращалась к ним с вопросом, на который сама же и отвечала, они произносили «гм» или «угу».

Несмотря на то что рот Антонины Степановны не закрывался ни на минуту, ее руки работали: она ловко расстелила на столе скатерть, расставила чашки, выложила в вазочки конфеты и печенье, налила в изящный кувшинчик молока. На огромном табурете в углу комнаты стоял здоровенный самовар, не электрический, а самый что ни на есть настоящий, который растапливают щепками. Соня видела такой только в музее или по телевизору в фильмах. Антонина Степановна привычным движением натолкала чурочек, подкачала воздуха, растопила самовар.

– Сейчас чайку выпьем, и я введу тебя в курс дела. А то ты небось под дождь попала? Господи, у нас тут такое творилось, я думала – от страха умру! Так грохотало! Телефоны не работают, дорогу развезло. Даже свет отключился... – продолжала безостановочно говорить Антонина Степановна, ловко разливая ароматный чай по чашкам. – Вот бери плюшечки свеженькие, мажь вареньем. У нас тут есть повариха, для парадных блюд: салаты а-ля как-то там, маринованные моллюски. Гадость ужасная, в рот не возьмешь, разве это здоровая еда? Так, баловство. А вот борщик, котлетки, пирожки, плюшки – это все на мне. Ты ешь, ешь, не стесняйся! Худая-то какая... Ничего, мы тебя откормим, у нас тут воздух чистый, молоко парное... Завтра пирожков с вишней напечем, блинчиков можно. Сметанка тут – как маслице! Своя, домашняя, из соседней деревни, из-под коровы, все свеженькое привозят!

Соня молча кивала, покорно пробуя угощения, предложенные Антониной. Все оказалось действительно очень вкусным. Софье начинала нравиться ее новая работа...

Откушав чаю, по-другому этот процесс назвать было нельзя, Антонина Степановна принялась делиться всеми секретами:

– Хозяйка наша – вдова. Вот уж третий год пошел... Строгая, но справедливая! Я тут лет пятнадцать работаю, еще хозяин покойный меня нанимал, хороший был человек. Аристотель Джанаелиди, большой человек был.

– Странные какие-то имя с отчеством у него, – перебила ее Соня. – Не русский, что ли?

– Конечно. Грек, самый настоящий, очень был хороший человек. Мне, между прочим, по завещанию даже пенсию небольшую оставил, на старость хватит. Ну, ты не перебивай, а то я с мысли сбиваюсь. Аристотель, это я его так за глаза называла, с отчеством уж больно заковыристо получается, дом этот как построил, стал искать экономку. А я у соседей, здесь неподалеку, работала. Они за границу уехали, он меня на работу и взял. Потом на Анжелочке женился... Хорошо жили, душа в душу! Он намного старше ее был. Заботливый, непьющий. А потом умер... Инфаркт, – пробормотала Антонина, вытирая покрасневшие глаза краешком белоснежного накрахмаленного фартука.

Соня уже начинала скучать. Она с трудом подавила приступ зевоты, мучительно раздуывая, как бы направить мысли Антонины Степановны в нужное для нее русло.

– Ой, что это я, – спохватилась та, – скоро повариха придет! Сегодня ужин торжественный, к Анжелике еще одна гостья приехать должна, Инночка, родственница ее какая-то, милая девочка. Значит, так. Ключи от всех комнат висят в кладовке, там на каждом бантик с номером. В каждой комнате есть кнопка звонка. У тебя табло такое на стене висит, сразу видно, откуда звонят. Вызывают, если нужно что-то – воды, чаю или белье поменять... Свежее – в комод, в большой кладовой, она на втором этаже. Она не запирается. Запомни, у каждой комнаты свой цвет и белье такое же. Розовая – розовое, голубая – голубое, и так далее. Сама разберешься, чего не поймешь, у меня спросишь. Да, цветы в вазах менять каждый день! Если Анжелика увидит засохшие, пеняй на себя. Пыль протирать каждый день, фарфоровые фигурки в гостиной чистят специальной щеточкой, она за дверью висит в гостиной. Фигурки с места сдвигать нельзя, они так еще Аристотелем расставлены. Это традиция такая. Фартук каждый день менять, чтоб ни пятнышка! Косынку не снимать... Каждую субботу мы столовое серебро чистим, это обязательно, так что в субботу выходных нет. На выходной можно уезжать, только номер телефона обязательно оставлять. Никаких хахалей, никаких шашней с гостями, у нас с этим строго, если Анжелика заметит, выгонит. Да, кажется, ничего не забыла, ну, если что, потом расскажу.

С каждой минутой Соне становилось все хуже и хуже. Мысль о том, что пора заканчивать игру, настойчиво билась в голову. Какое расследование, когда все время и силы уйдут на работу? Игра становилась довольно скучной, представить себя Сюзанной из «Женитьбы Фигаро» при такой нагрузке можно с большим трудом, даже Сониная богатая фантазия подвела.

Она уныло посмотрела на Антонину, которая с удовольствием посвящала ее в тонкости работы.

– Да, еще один пункт: у хозяйки есть правило на ночь обязательно включать сигнализацию. Я покажу, как это делается.

– Зачем это? – удивилась Соня. – Воров опасаетесь? Какой же дурак полезет в дом, полный народу?

Антонина Степановна оглянулась и тихонько шепнула:

– Хозяйка считает, что ее хотят убить. Лично я думаю, что это просто нервы, но Анжелика Сергеевна очень серьезно к этому относится. Только ты смотри, держи язык за зубами! Она не любит говорить на эту тему.

– И кто же может ее убить? – с любопытством спросила Соня.

– Кто может, не знаю. Но есть такие родственнички, мечтающие об этом, – отозвалась домоправительница. – Ты еще с ними познакомишься... Настоящий террариум! Среди них один нормальный человек – Инна.

Соне уже расхотелось отказываться от своей роли. Разве посвятила бы ее Антонина Степановна в закулисные дела, окажись здесь она в качестве гостыи? Конечно, нет!

Софья уже приготовилась внимательно выслушать дальнейшие истории обитателей дома, но в это время в коридоре раздался голос Анжелики:

– Антонина Степановна, пора проветривать комнаты! Подниметесь вместе с Софьей, заодно покажете, что в комнатах нужно делать.

– Идем, идем, Анжелика Сергеевна! – бодрым голосом отозвалась Антонина, а Соне шепнула: – Пойдем, я тебе все по дороге расскажу. Гостей сейчас шестеро, плюс еще должны двое подъехать. Инна хотела привезти с собой какую-то свою знакомую. Но ее до сих пор что-то нет. Позвонить сейчас нельзя, все телефоны молчат, а сотовые Анжелика вообще не признает и пользоваться ими у себя дома никому не разрешает. Говорит, вредные они. В какой-то передаче услышала, что от них опухоль мозга развивается...

«Слава богу, что не работают, – подумала Соня. – Меня бы мгновенно разоблачили».

Они вышли в коридор, обшитый дубовыми панелями. Вообще, все в этом доме было сделано прочно, на совесть. По широкой лестнице с причудливыми резными перилами поднялись на второй этаж. Антонина продолжала экскурсию:

– На первом этаже гостиная, музыкальная комната, кухня, столовая, хозяйственные помещения и комнаты для персонала. Знаешь, когда я у других работала, они называли их комнатами для прислуги. Противно, правда? А Анжелика нас называет хозяйственным персоналом, звучит красивее и совсем не унижительно!

Соня пожалала плечами: как ни назови, суть все та же – дворник или управляющий уборкой мусора, сторож или ночной директор, прислуга или хозяйственный персонал...

– На втором – комнаты для гостей. Они расположены вдоль по коридору. Стены здесь дубовые, такой толщины, что ничего не слышно. В каждой – ванная и туалет, их каждый день нужно тщательно мыть. Анжелика Сергеевна любит, чтобы все краники блестели, чтоб на кафеле ни пятнышка! Обязательно зеркала протирай, особенно у мужиков. Они, когда бреются, все пеной пачкают. Особенно Казимир Измайлович! Мне кажется, что он даже нарочно. Наташа постоянно на него жалуется – руки распускает. Так что осторожнее с ним. Он на первый взгляд старичок приличный, а на самом деле...

Антонина Степановна покрывалась легким румянцем, видимо, вспомнив что-то, связанное с Казимиром Измайловичем.

– Казимир... Имя какое-то иностранное! Поляк, что ли? – удивилась Соня.

– Какой там! Хотя кто их разберет... С виду они все такие вежливые, а ведут себя... – Она махнула рукой. – Вот его комната, зеленая, – проговорила она, приоткрыла дверь и громко позвала: – Казимир Измайлович!

Никто не откликнулся.

– Наверное, опять моцион в саду совершает. Так заботится о своем здоровье, что сил нет! Все еще спят, а ты ему в постель в шесть утра стакан свежавыжатого апельсинового сока подай! На завтрак все люди как люди, а он овсянку на воде ест, с кусочками фруктов, без сахара. До ста лет бодрячком хочет прожить, – хмыкнула Антонина. – Чай пьет только зеленый! Говорит, хорошо влияет на потенцию.

Соня с любопытством окинула комнату взглядом. Светло-зеленые обои, покрывала болотного цвета на кровати, изумрудная обивка мебели... Даже кафель в ванной и сантехника – все было выдержано в светло-салатовых тонах, включая полотенце, мыло и флакончики с шампунем.

– Забавно, это Анжелика Сергеевна придумала? – поинтересовалась Соня.

– Нет, все здесь осталось так, как задумал Аристотель. Анжелочка все сохранила, как память. Между прочим, о нашем доме даже статья была в журнале «Интерьер».

Помимо Казимира Измайловича, бывшего одновременно адвокатом семьи Джанаелиди и партнером Аристотеля по бизнесу, в доме гостили две Анжеликины подружки – Нина и Лариса. Про Нину Тоня высказалась с уважением и некоей долей жалости:

– Умная девка, все за книжками, за книжками... В аспирантуре учится, диссертацию пишет. Только скромненькая очень и не замужем. Когда ей о мужиках думать, она вся в науке!

Лариса была полной противоположностью Нине. Об этом Соня догадалась по цвету комнаты, который та предпочла, – ярко-оранжевый. Здесь царил беспорядок: груды платьев, развешанных по спинкам стульев, заваленный косметикой туалетный столик.

Кроме этих женщин, в доме гостили еще две, Антонина метко окрестила их «пираньями», Аврора Сократовна и Диана:

– Это родственницы Аристотеля, его двоюродная сестра с дочкой. Если Анжелику пытаются убить, то тут не обошлось без них. Так и ждут, когда представится подходящий случай какую-нибудь пакость сотворить и чего-нибудь выпросить! Аристотель оставил Авроре пенсию, так ей этого мало. У нее же на руках это чудо природы – Дианка... Такую страхолюдину без денег никто замуж не возьмет! Вот Аврора и старается выжать у Анжелики еще хоть чего-нибудь: то новое платье, то денег на косметику девочке, на пластического хирурга.

– И что, получается? – поинтересовалась Соня.

– Получается! Они постоянно твердят, что все богатство должно было им достаться. Аристотель поздно женился, а из ближайших родственников только они и остались. Думали, кроме них, не будет больше наследников. А он взял и женился! Вот Анжелика и считает себя обязанной им помогать, только благодарности она от них не дожидается. Скорей свинья человеческим голосом заговорит, чем они спасибо скажут, – хмыкнула Антонина. – Я им, между прочим, всегда самые противные цветы в вазу ставлю, они какой-то тлей воняют...

Домоправительница хихикнула, указав на огромную вазу с ярко-бордовыми пушистыми цветами.

Соня наклонилась над ней. В нос ударил резкий, неприятный запах, отдающий какой-то химией.

– Ты тоже не больно-то ради них старайся! Они нас все равно за людей не считают, капризы и грубость сплошная. Еще познакомишься, – добавила Антонина.

Соня подумала, что желание заполучить все наследство – достаточный повод для убийства. Значит, две кандидатки в преступницы уже есть, остается только приглядывать за ними и успеть поймать за руку!

– Интересно, я еще ни одного гостя не видела, а уже всю подноготную знаю, – пробормотала она вслух.

– Что? – не расслышав, переспросила Антонина Степановна, расправляя какие-то складочки на покрывале.

– Да нет, ничего. Это я так, о своем, – проговорила Соня. – Расскажите еще что-нибудь, нужно быть готовой ко всему.

Домоправительница с удовольствием откликнулась на ее просьбу и продолжила делиться секретами.

Кроме прочих, был среди гостей еще один человек, вызвавший у Сони подозрение, – Игорь. Он жил в серой комнате. Антонина по секрету сказала, что он ухаживал за Анжеликой после смерти мужа, даже руки просил, но получил отказ. Однако все еще продолжает крутиться возле хозяйки. Если Соня поняла правильно, у Игоря свой небольшой бизнес, приносящий стабильный доход. В классической литературе огромная масса примеров, когда отвергнутые любовники начинали мстить. Как там у Островского: «Так не доставайся же ты никому!» Соня вздохнула. В свое время она так мечтала сыграть в «Бесприданнице»! Увы, вместо этого – роль горничной, пытающейся предотвратить преступление.

В доме гостил еще один мужчина – Никита, бывший спортсмен, проявляющий интерес к Ларисе. Откуда он появился в доме Анжелики, Антонина не знала, гостем он был шумным и неудобным, вечно устраивал какие-то нелепые розыгрыши, прогулки по озеру, фейерверки, шашлыки. Антонине Степановне он почему-то не нравился:

– Больно много от него суеты, вечно грязными ножищами по чистому полу топает, хоть бы раз ноги вытер.

Через час, когда экскурсия по дому закончилась, все окна были распахнуты, во всех вазах благоухали свежайшие цветы. Сонины ноги гудели, перед глазами расходились цветные круги, голова чуть не лопалась от обилия информации.

– Ну вот, а с завтрашнего дня сама все это будешь делать. Ничего, привыкнешь. Наташа вон за три дня научилась! Главное не лениться, и тогда все получится, – добавила Антонина, глядя на измученное лицо Сони. – А пойдем чайку попьем, поболтаем, отдохнем, – предложила она.

У Софьи чуть не сорвалось с губ: «Поболтаем? Да ты целый час рот не закрывала, сколько можно?» Вслух она произнесла:

– Я пойду немножко полежу в своей комнате, устала с дороги...

– Ну, пойдешь лежи! Скоро к обеду стол накрывать будем, я тебя позову.

Соня едва сдержала стон и поплелась в свою комнату. У нее даже не было сил снять отутюженный накрахмаленный передник. Она словно колода плюхнулась на кровать и закрыла глаза. Почему-то очень хотелось заплакать... Ей стоило больших трудов взять себя в руки. Актриса постаралась представить что-нибудь приятное, например, Олега Рыбака, его мужественный профиль, ласковые руки. Это ей удалось. Через десять минут она уже спала словно младенец, улыбаясь во сне. Сон был очень и очень приятным... Вместе с Олегом они путешествовали на яхте, морской ветер бил в лицо, обдавая солеными брызгами. На Олеге была тельняшка, соблазнительно обтягивающая его накачанный торс, а на Соне – крохотный накрахмаленный фартучек на голое тело... И это было здорово! Олег наклонился к Соне, чтобы развязать тесемочки фартука, и тихо шепнул:

– Ты горничная? Сколько можно звать!

Софья открыла глаза и подскочила. На пороге ее комнаты стояла толстая невысокая тетка с крохотными злобными глазками и пробивающимся над верхней губой темным пушком. В ушах и на коротеньких пальчиках сверкали бриллианты. Жиденькие седые волосы с фиолетовым оттенком перетянуты черной бархатной ленточкой. Тетка была наряжена в аляповатый шелковый халат, разрисованный какими-то яркими птичками, смахивающими на павлинов. Халатик был ей явно маловат, ткань обтягивала живот.

«Кажется, это Аврора Сократовна, – подумала Соня. – Родители, давшие этому бочонку такое красивое имя, явно были шутниками».

Соня поправила сбившийся набок передник.

– Извините, я, кажется, задремала, – пробормотала она, жалко улыбаясь.

– Ты новая горничная? – бесцеремонно ткнув ей в грудь коротеньким толстым пальцем, спросила Аврора Сократовна. – Хорошо же ты начинаешь, ми-ло-чка! – ехидно, по слогам произнесла женщина. – У нас здесь не привал для усталых путников.

Она посмотрела на Соню, как удав на кролика, перед тем как проглотить. В этом взгляде была такая мистическая глубина, что у Сони по спине побежали мурашки. То же самое, вероятно, чувствует крохотный мышонок в лапах здорового кота, который, прежде чем слопать несчастное существо, играет с ним, заглядывает в глаза и развлекается. Соня едва сдержалась, чтобы не пискнуть.

– И-извините, – заикаясь, ответила она, – я слушаю вас.

– Это я тебя слушаю! – рявкнула Аврора так, что в окне задрожали стекла. Слово одноименный крейсер произвел выстрел по Зимнему дворцу. – Если хозяйка занята собой, это не

значит, что прислуге позволено растащить весь дом! Привыкли деньги ни за что получать! Да, и потрудитесь показать свои рекомендации, ми-лоч-ка... Не удивлюсь, если у вас их нет. С таким отношением к работе ни на одном месте долго не продержишься, – ехидно заметила Аврора.

Сделав лишь небольшую паузу, она продолжила наступление:

– Если через десять минут мое платье не будет выглажено, пеняй на себя! Платье в моей комнате, на кровати. Да осторожно, это настоящий шелк, не подделка какая-нибудь. Руки вымой с мылом прежде, чем до него дотрагиваться, а то пятен наставишь.

Соня взглянула на свои руки. Они казались ей чистыми, но, если Аврора Сократовна требует, она вымоет их еще раз.

– И еще, у меня в графине вода закончилась, принеси с кухни отфильтрованной. Марш! Одна нога здесь, другая там!

Соня кивнула и, не дожидаясь, пока Аврора скажет еще что-нибудь, выскочила из комнаты. На кухне она сразу увидела большой трехлитровый кувшин. Соня поискала глазами посуду поменьше и, как назло, ничего подходящего не нашла.

В коридоре раздался голос Авроры:

– Что ты там копаешься, я тебя жду!

Соня, не раздумывая, схватила кувшин и потащила его наверх, оставляя позади Аврору Сократовну. В коридоре она на секунду затормозила, вспоминая, в какой комнате обитает Аврора.

– Добрый день, кто это у нас такой хорошенький? – произнес кто-то невидимый и ткнул ее пальцем в спину. От неожиданности она вздрогнула и выпустила из рук кувшин. Стекло предательски дзинькнуло и разлетелось на мелкие кусочки.

Соня обернулась, готовая высказать все, что думает об этом «мастере сюрпризов». Им оказался пожилой мужик. Судя по похотливым глазкам, это был Казимир Измайлович. Моложавый, подтянутый, с младенческим румянцем на лице, он выглядел довольно франтовато. Спортивный пиджак кофейного оттенка, шейный платок с платиновой булавкой, широкие светлые брюки, туфли из мягкой кожи, внушительный перстень на пальце – все говорило о том, что хозяин этих вещей не бедствует и тщательно следит за собой и своим гардеробом.

– Что вы наделали! – испуганно произнесла Соня, спиной чувствуя взгляд приближающейся Авроры. Она втянула голову в плечи, ожидая грозного окрика. Однако Аврора повела себя совершенно иначе! Ласковым голосом, от которого Софье стало еще страшнее, она произнесла:

– Ну что ты, милочка, нужно быть осторожнее, ты же можешь пораниться стеклом. Не нужно так торопиться, я могу и подождать.

Затем, сделав голос еще более приторным, обратилась к мужчине:

– Добрый день, Казимир Измайлович. Выглядите превосходно, куда до вас всем этим сосункам, – игриво хохотнула она, при этом ее бюст заколыхался, словно «Титаник» перед встречей с айсбергом.

«Кизя», как окрестила его Соня, чтобы не путаться в замысловатом имени и отчестве, мгновенно потух, съежился и куда-то заторопился, явно не желая поддерживать игривый тон Авроры Сократовны.

Как только он скрылся за поворотом, Аврора Сократовна мгновенно переменилась.

– Растяпа безрукая, – шикнула она на Соню, презрительно сощурилась и без того крохотные глазки. – Чего стоишь, марш за тряпкой, и прихвати мне воды! Вот я скажу Анжелике, она из твоего жалованья вычтет за графин!

– Да я не специально, он подкрался, а я... – попыталась было оправдаться «горничная».

– Хватит врать, мерзавка, почтенного человека позоришь! Знаю я вас, тварей наглых! Сами мужчинам глазки строите, а потом... Все вы одинаковые! – воскликнула она и скрылась в своей комнате.

Во всей этой ситуации был один положительный момент: Соня узнала, где комната Авроры Сократовны. Не придется ее искать. Она быстренько сбегала за тряпкой, вытерла лужу, собрала осколки.

Управившись с делами, она постучала в комнату Авроры.

– Можно? – спросила она, просунув голову в дверь, так и не дождаввшись приглашения после нескольких минут настойчивого царапанья.

Аврора Сократовна дремала, развалившись на огромной двуспальной кровати, покрытой ярко-красным покрывалом. Комната, выдержанная в ярко-красных тонах, источала агрессивность. Соня тихонечко, стараясь не разбудить спящую фурию, забрала платье, висевшее на спинке стула, и выпорхнула из комнаты. Только в коридоре она перевела дух.

От шелка удушающе пахло терпкими духами. Через несколько минут Соня уже просто задыхалась. Она спустилась в кухню и наткнулась на Антонину, пересчитывавшую столовое серебро.

– Что, познакомилась с Драконихой? – весело спросила она, втянув носом аромат, исходящий от платья в Сониных руках.

– С кем? – переспросила Соня.

– У тебя в руках Аврорино платье, – заметила Антонина. – Кроме нее, никто в этом доме не пользуется духами в таком количестве. А Драконихой ее за глаза называют все в этом доме. Я противнее человека не встречала, ей бы в колонии для малолетних преступников работать. Дочурка ее, между прочим, яблочко от яблоньки, – такая же стерва. Погоди, еще познакомишься.

Соня вздохнула и, кивнув на платье, спросила:

– Аврора велела мне погладить, а где утюг, не сказала...

– Под лестницей у нас гладильная, там и доски, и утюг. Только, ради бога, будь осторожной! Если с платьем что-нибудь случится, она тебя со свету сживет.

Соня отправилась в гладильную. Она уже начинала тихо ненавидеть свою работу. Если с расследованием все выгорит, нужно будет попросить доплату за вредность. Во-первых, за обязанности горничной, а во-вторых, за общение с этими странными людьми.

Соня разложила гладильную доску, включила утюг и присела на стульчик. Так. В этом доме она полдня, и пока еще ни одного шага в расследовании. Сегодня за обедом нужно внимательно присмотреться ко всем гостям. Задерживаться на должности горничной у нее не было особого желания. Ее тревожила и возможность разоблачения – не дай бог в доме появится настоящая горничная, нанятая через агентство! Попробуй потом убеди Анжелику в честности своих намерений...

Соня подняла утюг и провела по подолу платья. Это была настоящая катастрофа! Ткань начала скукоживаться у нее на глазах, словно шагреневая кожа. Соня зажала рот руками, чтобы не закричать. Она выключила утюг и посмотрела на регулятор. Так и есть – режим нагрева на «лен»! Платье было безнадежно испорчено... Соня представила реакцию Драконихи, и ей стало дурно. Она зашмыгала носом и покачала головой, пытаясь отогнать ужасные видения.

Что делать? Отнести платье обратно и сказать, что она здесь ни при чем? Нет, этот вариант не пройдет. Сказать, что платье похитили? Глупо, кому подойдет такой размерчик. К тому же в доме есть гораздо более ценные вещи. Спасительная мысль пришла в самый последний момент. А что, если его укоротить? Обрезать испорченный край и быстренько подшить! Сказать, что, наверное, село после стирки. Такое частенько бывает с вещами. Соня засунула платье в какой-то ящик, стоявший у стенки, заперла дверь гладилки на ключ и отправилась на поиски ножниц и иголки с ниткой.

Заглянув на кухню, она снова застала там домоправительницу, которая продолжала трудиться над серебром.

– Антонина Степановна, – обратилась к ней Соня, – вы не подскажете, где найти нитку с иголкой и ножницы?

– Сонь, – перебила ее Антонина, – давай договоримся, зови меня просто Тоней или Антониной, давай без этих отчеств. Ножницы вон в том голубеньком шкафчике, там же и нитки. Погладила платье? А то нам на стол пора накрывать, поторопись.

– Сейчас, одну минуточку, – пробормотала Соня, достала из шкатулки принадлежности для шитья и выскочила из кухни.

Она заперла дверь гладилки изнутри и принялась кромсать платье. Выходило это у нее не очень хорошо, все время один край получался больше другого. В конце концов Соня бросила это занятие, подшила подол козликом, как смогла. Следы преступления исчезли. Правда, платье стало заметно короче, а подол каким-то волнистым... Соня рассудила, что так все равно лучше, чем было. Она отгладила платье, на этот раз выбрав подходящий температурный режим. Тихонечко поднялась по лестнице и заглянула в комнату Авроры. Дракониха все еще спала. Соня положила платье на место и выскользнула вон.

Все время, пока она помогала Антонине накрывать на стол, Соня прислушивалась к происходящему наверху. К двум часам в огромную столовую за длинный овальный стол, накрытый по всем правилам сервировки, стали собираться гости.

Первым спустился здоровенный блондинистый детина в шортах и тенниске. Ему бы рекламировать «Геркулес» или какой-нибудь «Завтрак чемпиона», таким здоровьем и силой веяло от его статной фигуры. Ровные белые зубы, румяные щеки, открытое лицо.

Никита плюхнулся на стул и протянул руку к тарелке с бутербродами, не дожидаясь, пока соберутся остальные. Соня украдкой наблюдала, как он один за другим отправил три штуки в рот.

– Антониночка, – громко крикнул он, – нас, в конце концов, в этом доме будут кормить или нет? Так и с голоду помереть можно! Нет, здесь нужно установить громкую связь и воем сирены созывать всех к обеду, – недовольно заявил он, неотрывно наблюдая за тем, как Соня разливает по тарелкам ароматный суп из фарфоровой супницы. – О, а у нас новенькая, – крикнул он. – Вас как звать?

– Софья, – отозвалась Соня, занятая своим делом.

– Софья, София, Соня, Соня Золотой Половник, – проговорил он и оглушительно захохотал, довольный своей шуткой.

– Интересно, все спортсмены такие умники или через одного? – поинтересовалась девушка, вошедшая в столовую. На ней были скромненькие серые брючки, беленькая футболка. Русые волосы стянуты в пучок на затылке. Очки в тонкой металлической оправе придавали ее миловидному лицу без косметики чересчур строгое выражение.

«Это, наверное, Нина, – подумала Соня. – Тоня, кажется, говорила, что Нина терпеть не может Никиту».

– А, наш Синий Чулок проголодался, у нашей серенькой мышки голосок прорезался, – отозвался тот, продолжая хохотать над своими репликами.

Нина села на противоположный конец стола, как можно дальше от молодого человека, всем своим видом показывая, что она не реагирует на его колкости.

Следом за девушкой к столу спустилась смуглая красавица с густой копной иссиня-черных кудряшек. Ее пышный бюст был обтянут красным топиком. На ней были коротенькие джинсовые шортики, расшитые стразами, на ее идеально длинных загорелых ногах красовались шлепанцы на здоровенной платформе, украшенные бусинами, камушками и какими-то искусственными цветочками. На обычном базаре таких шлепанцев не встретишь! Наверное, красавица-брюнетка покупала их в каком-то дорогом бутике...

«Интересно, это Лариса или Диана?» – подумала Соня, разглядывая девушку. Долго ломать голову не пришлось: Никита, переставший жевать, восхищенно причмокнул и отпустил пышногрудой брюнетке комплимент:

– Ларчик, ты персик! Вот это я понимаю, сразу видно, женщина. Красавица, спортсменка, комсомолка. Не то что некоторые, не будем пальцем тыкать.

Красавица улыбнулась и, испуская флюиды очарования, ответила:

– Никитенок, не напрягайся, я общаюсь с мужчинами исключительно пожилого возраста: пузико, лысинка и кошелек. Ты в сферу моих интересов не вписываешься. Направь свои старания на Дианочку, она спит и видит, как бы от мамочки замуж сбежать.

Упоминание о дочери Драконихи заставили Соню отвлечься от наблюдений за собравшимися. Она с трепетом ждала появления Авроры Сократовны в «новом» платье.

К столу уже спустились и Анжелика и Казимир Измайлович. Три места оставались свободными.

Анжелика, одетая в миленький сарафанчик нежно-зеленого цвета в мелкий цветочек, поинтересовалась у Антонины:

– Тоня, а Игорь здесь?

– Анжелика Сергеевна, он рано утром, еще до урагана уехал, у него дела какие-то, из фирмы звонили. Телефоны молчат, дороги размыло...

Хозяйка понимающе кивнула и произнесла:

– Я полагаю, что те, кто хотел обедать, уже собрались, больше никого ждать не будем. Приятного аппетита всем.

Гости дружно отозвались на пожелание и приступили к трапезе. Однако относительная тишина воцарилась совсем не надолго. На лестнице раздались чьи-то шаги, затем послышался ужасный вопль:

– Убили, ограбили, изуродовали!!!

Соня сразу же узнала драконий рык и втянула голову в плечи. Это конец, ее казнят, прямо сейчас, в этой столовой. Казнить, нельзя помиловать!

В дверях возникла грозная фигура Авроры Сократовны. Ее щеки были покрыты красными пятнами, глаза бешено вращались, а рот изрыгал проклятия одно страшнее другого. Дракониха пыталась натянуть платье на колени, но оно упорно поднималось вверх, оголяя короткие и толстые ножки-тумбы. Из-за ее спины выглядывала худощавая крашеная блондинка с ехидным выражением лица.

– Анжелика, твоя горничная испортила мое новое платье! Немедленно выгони ее вон и сообщи в агентство! Я подам на них в суд, они...

– Аврора Сократовна, – попыталась успокоить ее хозяйка, – что случилось? Успокойтесь, мы сейчас разберемся.

– Успокоиться? Да эта мерзавка, – продолжала кричать Аврора, тыча пальцем в сторону Сони, – платье за пятьсот долларов испоганила! Я дала его погладить, а она...

– Дырок и подпалин я не вижу, – спокойно проговорила Анжелика, разглядывая платье.

– Вас обманули, милочка, – вмешалась Лариса, – этой тряпке цена пятьдесят долларов, в отделе для уцененных товаров вещички получше попадают.

Аврора, сделав вид, что не расслышала этой реплики, продолжала орать, приближаясь к испуганной Соне. Еще минута, и она вцепилась бы ей в горло. От неминуемой расправы Софью спасло вмешательство Кизи.

– Аврора Сократовна, неужели из-за такого пустяка нужно устраивать сцену и портить нам аппетит, – мягко проговорил он, приподнимаясь с места. – Давайте дадим возможность девушке оправдаться. Я как адвокат готов взять на себя защиту...

– Действительно, – вмешалась Анжелика, – ваше платье могло сесть в химчистке. Тогда претензии не Софье, а им нужно предъявлять. Давайте продолжим это разбирательство после обеда, – предложила хозяйка.

Дракониха, злобно взглянув на Соню, уселась за стол и демонстративно не произнесла ни слова за время обеда. Диана, вероятно, из солидарности с матерью, поддерживала молчание. Софья едва дождалась окончания трапезы, помогла Антонине собрать посуду со стола.

– Меня уволят? – жалобно спросила она у домоправительницы.

– Вот еще, ты-то тут при чем? Платье село в химчистке, пусть там и разбираются! Не бери в голову... Анжелика никогда не пойдет на поводу у Драконихи! Ну так, для виду, может, пожурит тебя...

Эти слова немного успокоили Соню, но от случившегося у нее пропал аппетит. Она с завистью смотрела, как дружно опустошали свои тарелки Иван Иванович, Юра и Антонина. Перемыв всю посуду и прибрал на кухне, Софья все еще ждала вызова «на ковер». Однако Анжелика не спешила наказывать горничную. В конце концов Соня устала переживать и бояться. В такой ситуации главное – занять себя каким-нибудь делом, отвлечься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.